

УДК. 124.2:130.123

Т. Н. Серегина

ФЕНОМЕН РОССИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Статья посвящена феномену российской эмиграции, в частности и уникальному периоду начала XX века. Выделены характерные черты российской эмиграции, духовного мира эмигранта.

Ключевые слова: эмигрант, интеллигент, духовный мир эмигранта.

Эмиграция – явление вполне закономерное, здесь нет ничего патологического и экстраординарного. Она стала выражением фундаментального права – права на свободу передвижения. В России, начиная с Ивана IV, эмиграция являлась выражением антипатриотического настроения, по существу предательство. Разрешение на выезд за границу считалось выражением благосклонности государственной власти. Немногочисленные эмигранты были беженцами, противостоящими московской власти (Феодосий Косой, Иван Федоров, Андрей Курбский, Артемий Троицкий). Уже у этих первых эмигрантов проявилась характерная черта, которая впоследствии была присуща российской эмиграции XIX – XX вв., использовавшей пребывание за рубежами отечества в интересах самого же отечества, утверждая идеи, которые не могли распространяться в пределах России. В XVIII- XIX вв. выезд за границу был упрощен, он стал естественной стороной жизни. За это время Россию покинуло около 4,5 млн. подданных.

Г. Адамович часто говорил, что Европа была и осталась пленительной для русского сознания, тут же добавляя, что «только сквозь Россию она пленительна». Д.С. Мережковский считал, что первым русским эмигрантом был П.Я. Чаадаев. Еще в 1829 году П.Я. Чаадаев в «Философических письмах» вопрошал: «Взгляните на себя, не кажется ли что всем нам не сидится на месте? Мы все имеем вид путешественников. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками». По мнению того же Г. Адамовича «Мережковский уловил в исторической природе эмиграции нечто такое, что не одной только революцией было вызвано, а возникло задолго до нее». Российская эмиграция в отличие от П.Я. Чаадаева не считала Запад образцом для подражания.

Действительно, настроения, свойственные эмигрантам 20-30-х годов, можно было наблюдать в начале XX века. Чувство одиночества и ностальгии охватывало интеллигенцию уже в это время, хотя объективных поводов пока не было. Духовное состояние предреволюционной России описывает в своих воспоминаниях Е.Ю. Кузьмина-Караваева, входившая в круг символистов: «Мы жили среди огромной страны, словно на необитаемом острове. Россия не знала грамоты – в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура... мы знали философию и богословие, поэзию и историю всего мира, в этом смысле были гражданами вселенной, хранителями великого культурного музея человечества.... В известном смысле мы

были, конечно, революция до революции – так глубоко, беспощадно и гибельно перекапывалась почва старой традиции, такие смелые мосты бросались в будущее». В 1901 г. министр юстиции Н. В. Муравьев писал: «Общее недовольство настоящим режимом охватило все слои общества». В стране сложилась революционная ситуация. Революционное движение возглавили личности, воспитанные в атмосфере революционной вседозволенности, индивидуального террора, экспроприаций (проще говоря, грабежа) банков. Опора на этот слой людей свидетельствовала об утрате моральных ориентиров партийной интеллигенцией. Стремясь к цели - революции, она не обращала внимания на средства. Так в революционном движении возрождалась традиция нечаевщины, морального нигилизма.

Этот парадокс стал предметом размышлений либеральной части российской интеллигенции, бывших «легальных марксистов», таких, как Н. А. Бердяев, С. Н. Булгаков, М.О. Гершензон, П. Б. Струве, С. Л. Франк. Ответом либералов революционной интеллигенции стал сборник статей «Вехи», вышедший в 1909 г. В нем было переосмыслено место интеллигенции в России, отношение интеллигенции к народу. «Вехи» обозначили разрыв либеральной интеллигенции с традиционными идеалами интеллигентов-разночинцев 60 - 70-х гг. XIX в., главным из которых были преклонение перед «народом-страдальцем» и чувство вины перед ним. «Веховцы» предложили интеллигенции новый идеал личностного развития и свободного творчества во имя буржуазного развития России. Для этого, прежде всего, следовало освободиться от «народолюбия» и уравнилельных идеалов. «Веховцы» осудили «народопоклонство» интеллигенции. Результатом этого, по их мнению, была утрата «национального лица», отчуждение от государства, увлечение утилитарными вопросами распределения общественных благ.

«Вехи» стали манифестом российской интеллигенции, их идеи во многом определили тот духовный климат, в котором создавалась культура начала XX в., времени, вошедшего в историю под названием «серебряного века».

Русские мыслители приехали в эмиграцию после страшной катастрофы. Необходимо помнить, что они не просто пережили ее, но и предвосхитили. Понимала катастрофичность положения не вся интеллигенция, мы знаем множество примеров, когда тонко чувствующие глубоко мыслящие представители российской интеллигенции не просто принимали революцию, но и всеми возможными способами приближали ее. Предвидели катастрофу участники сборника «Вехи». Идеи «веховцев» обсуждались, но не были услышаны. Произошло это в силу многих причин, и одной из основных можно считать почти мгновенное осмысление результатов и итогов революционных процессов. Это уникальное явление, которое отчасти объяснимо социальной ориентированностью русской философии. К примеру, результаты великих западных революций были осмыслены спустя годы и десятилетия, например Дж. Локк, Т. Пейн, Ж. Местр. В России же отклик был стремителен (достаточно вспомнить сборник «Из глубины», вышедший в 1918 году).

Эмиграция – явление сложное явление, в нем переплетены политические, житейские, национальные факторы. Для каждого эмигранта осмысление состояния

эмиграции было глубоко индивидуальным. Так Г. Адамович описывает свое понимание эмиграции: «Несомненно, однако, что эмиграция связана с убылью деятельности, с убылью сознания и чувства, будто в мире каждому человеку есть дело и есть место, несомненно, что эмиграция так сказать, «ущербна» по самой природе своей и, значит, может художника, особенно чуткого, выбить не то что из колеи, а как бы из самой жизни...».

Ощущение себя эмигрантами появилось у русских в 1921 году, когда появился советский декрет о лишении права гражданства лиц, покинувших Россию после октябрьской революции и участников белого движения.

Трагедия эмиграции – трагедия людей, покидающих родные места, уходит своими корнями вглубь тысячелетий. В Библии, в книге Бытия мы найдем рассказ о Лоте и его жене. Комментарии к библейскому сюжету бесчисленны, главный из них: если суждено покинуть родину, то надо преодолев жалость, тоску, отчаяние, без оглядки выполнить свою миссию. В XX веке мы видим не только возмездие за непослушание, но и другой – тоску по покинутой родине, трагедию беженства, извечную дилемму изгнанных и уехавших. Философ Сократ предпочел смерть остракизму, изгнанию. Потеря родины, превращение в апатрида было тягчайшим несчастьем.

В XX веке эмиграция стала массовым явлением и неотъемлемой частью общественной жизни. Только в Великобритании число эмигрантов 2, 6. млн. К середине двадцатых годов XX века численность российской эмиграции насчитывалась по разным источникам 700 тыс. – 2 млн. человек.

Можно выделить основные черты, характерные для всей российской эмиграции: преемственность всех волн по сохранению национальной культуры, отсутствие и нежелание полной ассимиляции и в тоже время открытость к культурам стран проживания, обостренное чувство ностальгии, ощущение себя органичной частью национальной культуры. Современный исследователь российской эмиграции Л. Еременко выделяет 5 специфических черт феномена российской эмиграции:

1. Устойчивая преемственная связь всех волн по сохранению и развитию национальной культуры – традиций, обрядов, веры, языка.

2. Открытость к культурам стран проживания, свободное взаимодействие с ними.

3. Обостренное чувство ностальгии и в то же время дивная возможность эмиграции - возможность развить все формы духовной деятельности: художественную, религиозно-философскую, научную.

4. Взаимодействие регионов рассеяния, давшее возможность не утратить духовно-культурную ценность.

5. Ощущения себя органической частью национальной культуры, развивавшейся в России.

Другой исследователь российской эмиграции М.Назаров выделяет три аспекта мысли российской эмиграции:

1. Сохранить память о прежней России, ее традициях, национальном самосознании в том виде, в котором оно было до революции. Сохранить за пределами России «малую Россию»;

2. Помочь здоровым силам в самой России сохранить ценности, традиции, продолжить творчество. Эту миссию стали выполнять после второй мировой войны: издание книг для России, помощь в публикации российских авторов за рубежом;

3. Творчество в эмиграции – самый главный аспект деятельности российской эмиграции.

Но необходимо понимать, что это было не просто творчество как осмысление произошедшей катастрофы, не просто понимание России, это было и собственная апология себя как эмигрантов. Основным смыслом жизни основным мотивом для деятельности стала идея реализации особой миссии, которую, как им казалось, судьба верила им нести.

Более существенной и плодотворной в этих условиях оказалась присущая русскому зарубежью функция: осмысление эмиграцией трагического опыта русской революции «как опыта всемирного», ее оценки и прогнозы относительно будущего развития страны, возможностей ее национального возрождения. Для реализации этой одной из важнейших своих функций русская эмиграция обладала не только широкими возможностями, но и определенными преимуществами: правами свободного творчества и возможностью глазами независимого и объективного наблюдателя видеть Россию издалека, с той, по образному выражению Г. П. Федотова, возвышенности, к которой прибило эмигрантский ковчег и с которой эмиграция в мировой борьбе капитализма и коммунизма одна могла «видеть оба склона – в Европу и в Россию: действительность как она есть, без румян и прикрас». Этому способствовало и своеобразие состава послеоктябрьской эмиграции, ее элитарный характер.

Российская эмиграция вынуждена была работать в двухвекторном направлении: с одной стороны, смотреть в будущее, а с другой стороны, помнить о прошлом, хранить лучшее из этого прошлого.

Особенность российской эмиграции в том, что индивидуализм как характерная черта интеллигента почти не проявлялась. Эмигранты жаловались на отсутствие особого «воздуха» русской общественной жизни. Без него был невозможен процесс творчества. В письмах друг к другу, хранящихся в ГАРФ и ЦГАЛИ, мало сетований на трудности быта, на безденежье, жаловались на отсутствие смысла жизни, «большого дела». Они пытались реализовать себя в различных общественных организациях, открытии институтов, в которых преподавание велось по программам дореволюционной России, организации Дней Русской культуры.

Эмиграция стала вынужденным путешествием, но путешествием духа. По сути, это был поиск себя, ибо чтобы найти себя надо столкнуться с другими лицами. Многие произведения были задуманы в эмиграции, например «Мертвые души» Н. В. Гоголя. Именно на таком столкновении культур был основан европейский обычай странствования, необходимый для подмастерьев, желавших стать мастерами. Не случайно этот обычай сохранился в XX веке в университетах Европы.

Эмиграция – духовное странничество, деятельное созерцание, участие в культурной работе, происходящей как за пределами родины, погружение в процесс творчества иного культурного круга. Ситуация может быть парадоксальной, но

эмиграция не связана с перемещением в пространстве и не всякое перемещение будет духовным странствием. Так кочевые народы перемещаются в пространстве, но они не эмигранты, хотя перемещаются вынужденно. Главное в феномене эмиграции – духовное, культурное общение с другой культурой. С этим связано обретение своего назначения. Эмиграция – это путь к духовной родине. В эмиграции проявляется особая черта – взгляд на родину через страдающую любовь к родине. Здесь нет того, что Стендаль называл «холопским патриотизмом». Философ страдает одинаково и от своих недостатков и недостатков родины. Это очень точно выразила М. Цветаева: «Не быть в России, забыть Россию может лишь тот, кто Россию мыслит вне себя. В ком она внутри, тот потеряет ее лишь вместе с жизнью». И, сохраняя близость с Россией, был создан особый мир российского зарубежья.

Феномен российской эмиграции приобретает своеобразие и уникальность, поскольку его неотъемлемой частью является изгнание, высылка части интеллигенции в 1922 году. Символично, что пароходы высланных были названы философскими, хотя их было всего 6 человек. Трагедия высланных была не столько в высылке, сколько в отрыве от почвы. Изгнание – это не событие одноразового плана, оно тяготело над философами на протяжении всей жизни в эмиграции. Это чувство не было характерным для эмигрантов, покинувших родину самостоятельно.

В эмигрантской среде «высланные» снова будут не приняты, как это не парадоксально. С одной стороны эмиграция подкреплялась учеными с мировыми именами, с другой, эмигранты считали их подосланными советской властью с целью раскола, их даже называли «полувысланные, полупосланные». Фактически сразу стало понятно, что философы отрицательно относятся ко всякого рода попыткам «наказать» большевиков и вмешиваться в политику России. Почти в первые же дни после прибытия высланных в Берлин на квартире Н.А. Бердяева состоялась встреча группы эмигрантов во главе со П.Б. Струве. Так называемое «белое движение» попыталось найти общие идеи с высланными философами. Встреча закончилась скандалом и полным разрывом давней дружбы П.Б. Струве и Н.А. Бердяева.

«Высланные» отмечали ощущение, что их изыали пусть из неустроенной, полной опасностей, но все-таки реальной жизни. Их одиночество было явлением совершенно иного, духовного порядка. Его нельзя было восполнить общением. Феномен одиночества описан еще в книге Екклесиаста: «Человек одинокий, и другого нет; нет сына, ни брата у него; и всем трудам его нет конца, и глаз его не насыщается богатством». Эмигранты столкнулись с 3 видами одиночества: разрыв с самим собой как личностью, культурное одиночество, социальное одиночество.

Но для всех эмигрантов независимо от способа расставания с Родиной общим было чувство ностальгии. Это чувство было доминирующим только у эмигрантов так называемой «первой волны». Ностальгию может испытывать только человек, понимающий невозможность возвращения на родину. Ностальгия – это преодоление некоторого разрыва жизни. В.Набоков дает определение 2 типов ностальгии: нормальная и патологическая: «Память о Родине... превращается либо в необыкновенно развитый орган, работающий постоянно и своей секрецией

восполняющий все исторические убытки, либо в раковую опухоль души, мешающую думать, общаться с беспечными иностранцами», таким образом, память может выполнять созидательную и разрушающую роль.

Смысл ностальгии в преодолении разрыва между прошлым и настоящим, воссоздание утраченных ценностей. Если не удастся, – превращается в раковую опухоль, человек замыкается в прошлом, отдается целиком воспоминаниям, они становятся его реальностью, а все окружающее неестественно декорацией. В ситуации невозможности перед эмигрантами форме встает задача поиска смысла.

Ностальгия - особая духовная деятельность по перестройке своего внутреннего мира, по установлению смыслового соответствия между сознанием и бытием, общей целью которого является повышение осмысленности жизни. Действительно, ностальгия часто возникает в критических ситуациях, когда человека постигает горе, когда рушатся привычные устои жизни и такая ситуация действительно может быть названа ситуацией невозможности.

Ностальгия - это всегда тоска, и часто острая и болезненная, по чему-то потерянному или утраченному. Разум создает при помощи памяти свой мир, независимый от реального опыта, т. е. происходит отбор воспоминаний, причем отбираются не просто приятные или радостные моменты, а именно те, которые удовлетворяют сегодняшним потребностям, укладываются в создаваемую мифологическую концепцию. Эмигранты «первой волны» в изгнанию и родину, у них практически не было информации о происходящих событиях в России и что самое важное – отсутствовала возможность вернуться на родину, поэтому чувство ностальгии переживалось наиболее остро и эмоционально.

Таким образом, феномен российской эмиграции – это сложное и уникальное сочетание внутренних переживаний, характерных только для российского интеллигента, изгнанного из своей страны, и объективных условий беженства в близкой им европейской культуре.

Список литературы

1. Терапиано Ю. Встречи. Нью-Йорк, 1953. С. 55.
2. Чаадаев П. Избранные сочинения и письма. М., 1991. С. 64.
3. Адамович Г. Одиночество и свобода. М., 1996. С. 189
4. История России XIX – начала XX вв. Под ред. Федорова В.А. М., Зерцало. 1998. С. 243
5. Еременко Л. Русская эмиграция как социокультурный феномен. М., 1993. С. 8.
6. Федотов Г.П. Судьба и грехи России. СПб., 1991. Т.2. С.122
7. Фомин А. Цветаева М. и Россия //Вопросы литературы. 1991. №2. С. 41

Серегина Т.Н. Феномен російської еміграції початку XX століття

Стаття присвячена феномену російської еміграції, зокрема унікальному періоду початку XX століття. Виділені характерні риси російської еміграції і духовного світу емігрантів.

Ключові слова: інтелігенція, духовне життя.

Seregina T. The phenomena of Russian emigration

The article focuses on the phenomenon of the Russian emigration with the emphasis on the unique period of the XX century. There are presented typical features of the Russian emigration and spiritual world of an emigrant is described.

Keywords: emigrant, intelligent, the unseen of emigrant.

Поступило в редакцию 26.05.2008